КОНЦЕПЦИЯ «ИДЕАЛЬНЫХ ТИПОВ»
МАКСА ВЕБЕРА
КАК ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЕКТ

В статье рассматривается теория идеального типа М. Вебера как версия познания исторической реальности в эру рационализации общества рубежа XIX–XX вв. Обозначив этот период как переход науки в стадию специализации, М. Вебер предлагал конструировать «идеальные типы», используя познавательный инструментарий естественных наук, что позволяет оценивать познавательный алгоритм Вебера как полидисциплинарный проект.

Ключевые слова: Макс Вебер, концепция «идеальных типов», познание исторической реальности, полидисциплинарность.

Будучи масштабной личностью, Макс Вебер (1864–1920) является не только одной из крупнейших величин современной социологии, но и мыслителем, оказавшим концептуальное воздействие на социальные и политические науки в целом. Его перу принадлежат труды в сфере экономики, религии, философии, музыки и, конечно, исторического знания. Он заявил о себе и на политическом поприще. Почему такая обширная сфера интересов? Связана она с энциклопедическим характером мысли Вебера? На этот вопрос ответить однозначно трудно, как невозможно сказать: кем следует называть Макса Вебера? историком, философом, социологом или юристом и экономистом?¹

Широкий диапазон интересов связан с системой ценностей ученого. По Веберу, то, что считается «стоящим изучения и понимания», зависит от ориентации исследователя, от той системы ценностей, которая является его мировоззренческим фокусом. В. Моммзен отмечал, что в зрелых взглядах ученого национальное превалировало над либеральным. Вебер был очень обеспокоен раздробленностью немецкого либерализма, поэтому в его

политической системе ценностей главную роль играли нация, власть, культура² и с этих позиций он критиковал либерализм вильгельмовской Германии, и также классический либерализм. В его политической деятельности переплетались национальные и либерально-демократические начала. Он принимал активное участие в создании Веймарской республики. Вместе с Гуго Пройсом он внес серьезный вклад в подготовку Веймарской конституции, которая в значительной степени соответствовала либерально-демократическим принципам. Ум Вебера всегда искал новых решений на основе взаимодействия разных принципов. Немецкий историк, автор крупной монографии о Максе Вебере Юрген Каубе замечает, что если представить себе его наследие как единое целое, то оно в определенном отношении всегда значительнее, аргументы Вебера всегда разнообразнее, а его познания всегда более обширны³.

Деятельность Вебера как историка соответствует стремлению найти новое решение в контексте взаимодействия наук. Ученый изучал средневековую историю в университетах Гейдельберга и Берлина. В его первых работах «К истории торговых обществ в средние века» (1889), «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» (1891) намечены контуры «эмпирической социологии», тесно связанной с историей. Он связал развитие античного землевладения с социальным и политическим развитием, с формами семейной жизни, быта, нравов. Это не являлось в полном смысле междисциплинарной новацией, в таком ключе работали представители исторической школы немецкой политэкономии, и прежде всего Густав Шмоллер, оказавший сильное влияние на Вебера⁴.

Карл Маркс был для Вебера своеобразным «конституирующим другим»: свои методологические работы он воспринимал как направленные против марксистской концепции общества и истории, но так же, как Маркс, Вебер попытался создать целостную методологию изучения общества.

Вебер уже при жизни фактически стал классиком немецкой социологии, но в течение нескольких десятилетий после его смерти он был известен в Европе прежде всего как создатель концепции «идеальных типов» и социолог. На основе учения Риккерта о понятиях ученый разработал теорию «идеального типа», который представляет собой «интерес эпохи», выраженный в виде теоретической конструкции. Она необходима, чтобы выявить действительные казуальные связи и оценить исторические факты. Как в естествознании идеальная модель конструируется в качестве инстру-

мента для познания природы, так и идеальный тип – инструмент для познания исторической реальности, масштаб для соотнесения с эмпирической реальностью. Идеальный тип, по Веберу, – основное теоретическое понятие социологии, не имеющее ничего общего ни с идеалом, ни с усредненным типом. В идеально-типической конструкции ключевое слово – познание. Таким образом, можно утверждать, что она имеет непосредственное отношение к полидисциплинарному проекту. Е.Н. Князева, размышляя о соотношении междисциплинарности и полидисциплинарности, подчеркивает, что полидисциплинарным следует считать проект, который изучает объект с точки зрения разных дисциплин, но не с позиции кооперации дисциплин, как это происходит в рамках междисциплинарности. Полидисциплинарность преодолевает границы дисциплин⁵. В идеально-типической конструкции Вебера история и социология неразрывно связаны, в ней используется алгоритм познания нового, присущий естественным наукам.

Вебер исходит из того, что социология должна познавать те значения, которые люди придают своим действиям. Для этого и вводится термин *Verstehen* («понимание»), который приобретает в социологическом методе Вебера особое значение. По его мнению, все люди имеют общую человеческую природу, поэтому необходимо составить типологию различных поступков людей в их отношениях со своим социальным окружением. Любое социальное действие людей в представлении Вебера основывается на ожидании, на вероятности согласия с этими действиями других людей, т. е. на природе человека как социального существа. Он писал: «...В основе ожидания лежит возможность усредненной ориентации действий других на принятую значимость, следовательно... в той мере, в какой эти ожидания носят “легитимный” характер»⁶.

Именно потому в социальной жизни нет хаоса, который невозможно понять, так как каждый в своих действиях ориентируется на некое большинство либо социальное окружение.

В этой конструкции прослеживается новаторское движение мысли Вебера. Еще в 1904 г. на страницах журнала «Архив социальных наук и социальной политики» (*Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*) он опубликовал статью об объективности социально-научного и социально политического познания. В ней были раскрыты понятия «свободы от ценностных суждений» (*Wertfreiheit*), «ценность отношения» (*Wertbeziehung*) и «идеальный тип» (*Idealtypus*)⁷. Статья писалась Вебером в период расцвета деятельности баденской школы неокантианства, превозносившей

субъективность познания, и им была сделана гениальная попытка примирить субъективность и объективность.

Идеальными типами являлись, по его мнению, «экономический обмен», «экономический человек», «религия», «церковь», «христианство», «средневековье», «городское хозяйство», «капитализм». При конструировании идеального типа мысленно выделяются элементы действительности, но они берутся из самой действительности, это те элементы, которые представляются типическими. «Речь идет о конструировании связей, которые представляются нашей фантазии достаточно мотивированными, следовательно, “объективно возможными”, а нашему номологическому знанию – “адекватными”»⁸. Для того чтобы усмотреть действительные каузальные связи, Вебер призывал конструировать недействительные⁹. Идеальный тип близок к идеальной модели, которую создают ученые естествоиспытатели. Это сравнимо с физическими реакциями, которые вычисляются только при допущении абсолютно пустого пространства¹⁰. Как в естествознании идеальная модель конструируется в качестве инструмента для познания природы, так и идеальный тип создается как инструмент для познания исторической реальности. Таким образом, историческое познание Вебер связывал с междисциплинарными познавательными практиками. Не случайно, что понятие «идеальный тип» вводится в его первых работах по естествознанию.

Вебер выделял «чистые» идеальные типы (модели господства) и «генетические», которые отличаются по степени общности. «Генетический» тип локализован во времени и пространстве. К генетическим идеальным типам он относил, например, «средневековый город», «кальвинизм», «методизм», «культуру капитализма». Так, в работе «История хозяйства» он писал: «Если “город” в собственном значении слова представляет собой специфически европейское явление, то это, конечно, еще не исключает существенных внутренних различий между античным и средневековым городом, между городами южной и средней Европы»¹¹.

В работе «Город» ученый конкретизировал проявления идеальнотипических городских черт во времени и пространстве, уделяя пристальное внимание западному городу, родовому и плебейскому городу и античной и средневековой демократии¹². Но даже в этих описаниях градус генерализации довольно высок, что уменьшает различие между историей и социологией, заставляет признать активное использование Вебером социологического инструментария в познании истории. Так, ученый писал: «Полной противоположностью азиатскому городу является развитие города средневекового

Запада, особенно в районе севернее Альп, т. е. там, где развитие носит идеально-типический характер в чистом виде»¹³.

Как социолог, Вебер устанавливает общие правила протекания явления безотносительно к пространственно-временному определению событий. Различие условий и влияние их на протекание действий фиксируются по отклонению от идеального типа. Этот феномен отклонения от идеального типа можно проследить на примере взаимосвязи таких явлений, как свобода и протестантизм. Что происходит со свободой в локальных пространствах, где протестантизм не укоренен? «Работает» ли протестантизм как идеально-типическая конструкция в пределах такого «локального» пространства, как Россия?

В начале XX в. ученый написал важнейшие сочинения по методологии социальных наук. В 1905 г. была опубликована «Протестантская этика и дух капитализма», в 1906 г. – работы о России: «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии», «Переход России к мнимому конституционализму», напечатанные в «Архиве социальной науки и социальной политики», редактором которого Вебер являлся вместе с В. Зомбартом и Э. Яффе. В этих сочинениях стоял на позиции протестантского понимания свободы как свободы выбора и полагал, что без разрыва с традицией укоренение свободы в России невозможно. Религиозную интерпретацию свободы Вебер делает достоянием политики и исторического развития иного локального и культурного пространства¹⁴, и его концепция наталкивается на необходимость разрыва с традициями данного пространства, т. е. России, для укоренения свободы. Эта позиция Вебера до сих пор вызывает споры¹⁵.

Вебер использовал идеально-типические принципы при объяснении формирования капитализма, который связывал с «капиталистическим духом», рожденным в эпоху Реформации, когда появляется протестантизм и, по его мнению, зарождается свобода. Зрелый капитализм объективирует эту свободу в формальные и бюрократические структуры, и капитализм перестает быть способом свободного решения личности. Но свободе требуется также творческое напряжение, благодаря которому Запад являлся классической манифестацией свободы выбора и самостоятельности действия. В России в конце XIX в. капитализм утверждался вместе с процессом индустриализации, и традиции свободы выбора, присущей эпохе свободного предпринимательства, сформированы не были, поэтому веберовская оценка российских реалий может восприниматься лишь как гипотеза, что также соответствует духу идеально-типической конструкции ученого.

Социологические, религиозные подходы не просто повлияли на объяснение Вебером политических особенностей современного ему западного общества в целом, но стали основой для познания типических явлений в ином локальном пространстве и хронологическом периоде. В этом и заключается главная функция идеального типа – познание фрагментов реальности в их своеобразии. Сам же идеальный тип является лишь инструментом познания, и его ценность, по мнению Вебера, заключается в его эвристическом характере, и потому для социологии он необходим, поскольку он указывает путь к образованию гипотез.

Широкое использование Вебером идеально-типических конструкций, опирающихся на полидисциплинарный фундамент, выводит нас на общее понимание им современной науки, базирующейся на логике и методологических приемах¹⁶, практической элиминированности из научных практик субъективности и, следовательно, субъективной мотивации. С другой стороны, это противоречит высказыванию Вебера о том, что «не существует абсолютно “объективного” анализа культурных или социальных явлений, не зависящих от индивидуальных или пристрастных взглядов, в соответствии с которыми они (явления) – явно или скрыто, сознательно или бессознательно – выбираются, анализируются, организуются для их объяснения»¹⁷. Американский социолог Льюис Козер писал: «Выбор ученым конкретной проблемы и уровень научного объяснения, к которому он стремится, как утверждает Вебер, зависит от ценностей и интересов исследователя»¹⁸. Вебер поставил вопрос о взаимозависимости науки и культурного контекста. В данном случае, таким образом, речь идет не о субъективных пристрастиях того или иного ученого, но прежде всего о «духе времени»: именно он играет ключевую роль в формировании «ценностных идей» и «познавательного интереса».

В докладе «Наука как призвание и профессия», прочитанном в Мюнхенском университете зимой 1918 г., Вебер констатировал, что наука вступила в стадию специализации и поэтому «отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации»¹⁹. Признавая роль специализации, учёный продолжал мыслить в контексте философских споров своей эпохи, пронизанных пиететом перед ролью субъекта в познании прошлого. Он заявлял: «Я отвергаю субъективное пристрастие именно в чисто научных интересах. Я готов найти в работах наших историков доказательство того, что там, где человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов»²⁰.

Таким образом, Вебер выступил против идеи Дильтея о вживании в историческую реальность, против противопоставления наук о природе наукам о духе. Гуманитарная наука, так же как и науки о природе, должна, по его мнению, удовлетворять требованию общезначимости, которое обеспечивается дистанцией между познающим субъектом и предметом. Такая же дистанция сохраняется Вебером и в процессе исторического познания, когда используются идеально-типические конструкции, представляющие собой в эпоху научной специализации полидисциплинарный проект. Не случайно в науковедении за Вебером закрепились слава универсального ученого, игнорирующего границы дисциплин²¹.

Примечания

- ¹ См.: *Labisch A.* Max Weber – der Historiker? Max Weber – für Historiker? Zur Geschichte / Geschichtswissenschaft in Leben und Werk Max Webers // *Medizin-historisches Journal*. 1992. Bd. 27. H. 1/2. S. 156–157.
- ² См.: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik: 1890–1820. Tübingen, 1974. S. 90–96, 132–133.
- ³ См.: *Kaube J.* Max Weber: Ein Leben zwischen den Epochen. Berlin, 2014. S. 430.
- ⁴ См.: *Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность. М., 1991. С. 29–30.
- ⁵ См.: *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 193–201.
- ⁶ *Вебер М.* О некоторых категориях «понимающей социологии» // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2014. С. 401–402.
- ⁷ См.: *Kaesler D.* Max Weber. München, 2011. S. 62. См также: *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранное... С. 271–320.
- ⁸ *Вебер М.* «Объективность»... С. 303.
- ⁹ См.: *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.
- ¹⁰ См.: *Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* Указ. соч. С. 45.
- ¹¹ *Вебер М.* История хозяйства: Город. М., 2001. С. 293.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 360.
- ¹⁴ См об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Дискурсы свободы в восприятии Вебером России в 1905–1906 гг. // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 88–103.
- ¹⁵ См.: *Кустарев А.С.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 119–130; *Он же.* Макс Вебер о модернизации

русского самодержавия // Полис. 2006. № 2. С. 66–76; *Он же*. Предисловие // О России. М., 2007; *Рахманов А.Б.* Социальная философия Макса Вебера: Мета-морфозы и кризисы. М., 2011. С. 165–192; *Davydov Ju., Gaidenko P.* Russland und der Westen. Frankfurt a/M., 1995.

¹⁶ См.: *Kaesler D.* Op. cit. S. 85.

¹⁷ *Козер Л.А.* Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006. С. 73.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное... С. 529.

²⁰ Там же. С. 539.

²¹ См.: *Radkau J.* Max Weber: Die Leidenschaft des Denkens. Köln, 2013.